

Дышать было больно. Так больно, словно в легкие набилась стекловата. Маленькая Эльза однажды взяла в руки стекловату, и папе потом пришлось везти дочь в больницу, доставать сотни невидимых колючек. Вот и сейчас колючки — только не в ладонях, а в легких. И в сердце, кажется...¹

— Эльза, отпусти его! — Злой и немного испуганный голос пробивался к ней через эту колючую стекловату. Голос пробивался, а следом его хозяин. Держал за плечи крепко, сжимал до боли. Кажется, даже тряс. Зачем он ее трясет? Ей и без того больно. Так больно, что вот прямо сейчас горлом пойдет кровь... — Я тебя прошу, отпусти...

Голос стих, упал до шепота. Это лучше, не так больно. И кровавый туман перед глазами рассеивается, появляются люди. Но видит и держит Эльза только одного. Крепко-крепко держит за кадык и кадык его готова вырвать, стоит ему только дернуться, только слово сказать. Хоть одно-единственное слово...

...Он почти не изменился, только борода стала гуще, только серебра в ней прибавилось. А тогда, много лет назад, она была черная, с синевой. Тогда он казался совсем другим, не смотрел волком, улыбался Эльзе че-

¹ Начало истории читайте в романе Т. Корсаковой «Врана погоня».

ловческой улыбкой, разве что самую малость настороженной. Эльзе улыбался, а на папу ее смотрел строго, даже с упреком.

— Зачем ты ее с собой, Петрович? Разве девчонке место в тайге?

Папа тогда, помнится, усмехнулся, Эльзу погладил по голове, сказал с гордостью:

— Это не какая-то там городская неженка, Архип. Эта дочка моя! А тайга? Что тайга? Мы корни свои знать должны. Вот ты знаешь?

— Корни? — Архип тоже усмехнулся кривоватой, недоброй какой-то ухмылкой. — Про корни мне не рассказывай, Петрович.

А и то верно! Что ему, косматому и бородатому, рассказывать про корни, когда эти корни вон прямо на его ручище вытатуированы! И татуировка такая искусная, что не верится, что это всего лишь картинка. Так и кажется, что рука этими самими кореньями оплетена от плеча до широкой кисти. Кореньями и шипами. А между ними — ключ. Красивый такой, с завитушками. Ключ сразу не разглядеть, только если с определенного ракурса. Эльза разглядела и залюбовалась. Наверное, поэтому не сразу поняла, что к ней обращаются.

— Что ты видишь? — Архип смотрел на нее строго, с внимательным прищуром. Как на допросе.

— Татуировку. — Врать она не могла, но и про ключ рассказывать не хотелось.

— И что за татуировка? — Другой бы отстал, а этот не отходил, всматривался требовательно в Эльзино лицо. — Что тут? — И руку протянул так, что ключ теперь стал не просто виден, а очевиден.

— Да что ты пристал к девочке, Архип? — Папа похлопал его по плечу. — А то сам не знаешь, что у тебя там намалевано?! Корни, крючки, завитушки на манер кельтских узоров.

— Так? — спросил Архип, не сводя с Эльзы тяжелого взгляда.

— Корни, крючки, завитушки, — повторила она и покивала для пущей убедительности.

— И все?

— И все.

Он вдохнул и с шумом выдохнул, словно с облегчением. Или Эльзе просто показалось? Здесь, на самой границе тайги, в крошечном охотничьем домике ей все виделось странным и необычным. Может, потому что это была ее первая охота? И самой себе Эльза казалась этакой бесстрашной амазонкой. Что ей какой-то неотесанный егерь с его татуировками, когда впереди столько приключений?!

Знать бы тогда, как все обернется...

Вот только Эльза не знала. Тогда не знала, а потом забыла. И вот сейчас вспомнила. Только не все, а самое страшное, самое мучительное...

Тогда тоже было мучительно. Все тело зудело от комариных укусов. Эльза чесалась, срывала ногтями подсохшие корки, и по грязной коже текла алая кровь. А еще хотелось пить. Жажда была почти такой же невыносимой, как зуд. Нет, все же чуть более невыносимой. Вода закончилась давным-давно, кажется, еще день назад. Вода закончилась, а комары и жара все не кончались. Вот такая получилась охота. Не они охотились, а на них. Наверное. Воспоминания прятались за зыбким маревом, за черной, мерзко гудящей комариной тучей.

Архип выступил из этой тучи в тот самый момент, когда Эльза решила, что больше не выдержит, что умрет вот прямо сейчас, потому что нет у нее больше сил, никакая она не амазонка, а самая обыкновенная городская неженка. Она и так слишком долго держалась. Ради папы, чтобы его не расстраивать. Но все... закончились силы...

Он стоял большой и лохматый, как медведь. Упирался пятками в усыпанную иглицей землю, придерживал на плече охотничье ружье, всматривался, разглядывал...

— Нашлась? — спросил сиплым голосом и сделал шаг им навстречу.

— Нашлась. — Папа положил ладонь Эльзе на плечо. Слишком горячую, слишком тяжелую, но Эльза держалась. Она нашлась. Архип нашелся. Архип многое умеет и многое знает. И в запасе у него наверняка есть вода. Вот в той обтянутой кожей фляге, что болтается на пояском ремне. Только бы вода, а не водка...

— Где?

— Там.

Они говорили о чем-то своем, только им двоим понятном, а Эльза злилась. Почти теряла сознание от жажды и бессилия, но все равно злилась. Потому что вот она сейчас упадет. А может быть, и вовсе умрет. Это будет совсем уж обидно — умереть на самой границе тайги, когда до спасения рукой подать. Вот этой, расписанной диковинными узорами рукой. Корни темно-синие, почти черные, словно высушенные, и шипы черные, а ключ большой, рельефный, как настоящий. Будто бы Архипу вздумалось вшить его себе под кожу. Или вздумалось? Что она вообще о нем знает? Что понимает?

Это раньше мир казался понятным и ярким, а теперь все изменилось, подернулось туманом и патиной. Как будто это и не мир вовсе, а старая-старая картина. Ожившая, но все равно мертвая, холодная...

— Отойди, девочка... — Эльза и не заметила, как черное дуло охотничьего ружья уставилось ей в живот. — Сделай шаг в сторону.

Архип с отвращением смотрел на нее сверху вниз. Эльза его понимала. Понимала и почти не боялась. Теперь, когда она много про себя узнала, не нужно удив-

ляться таким вот вещам. Он охотник. Пограничник, как назвала его та смешная бабушка, чей домик стоял на опушке леса. Он пограничник, и он в своем праве. Потому что Эльза пересекла границу. Сначала пересекла, а потом еще и посмела вернуться с той стороны. И не важно, что память ее теперь как ветхая дерюга. Иногда достаточно просто чувств. А Эльзины чувства криком кричат, что она заслужила. И боль эту, и жажду, и свинец в живот...

Папу жалко. Папа тоже все понимает, сжимает Эльзино плечо стальной хваткой, крепко, до боли, до хруста в костях.

— Не смей! — в голосе его ярость пополам с отчаянием. — Ты не сможешь!

Папа всегда ее защищал, потому что она была его маленькой девочкой, любимой доченькой. Вот и сейчас он шагнул вперед, отталкивая Эльзу, почти отшвыривая ее от себя. Ей тогда так показалось, словно горячая волна ударила в грудь, припечатала к земле в тот самый момент, когда прогремел выстрел.

От боли и от осознания того, что случилось неправимое, Эльза сложилась пополам, завывала почти по-волчьи, жалобно и протяжно. И тайга тоже завывала, отозвалась тысячей птичьих голосов, загудела, завибрировала.

А папа умирал... Он все еще стоял на ногах, прижимал к животу окровавленные ладони, с изумлением наблюдал, как на ковер из прелой прошлогодней иглицы падают черные капли. Папа смотрел на капли и не смотрел на Эльзу. Даже головы не поднял...

Превозмогая боль, она встала на четвереньки и так, на четвереньках, поползла к умирающему отцу, обхватила руками за подгибающиеся уже колени. Но даже такой милости ее лишили: грубо и зло дернули за шиворот, поволокли прочь. Она извивалась и лягалась. Она

даже пыталась укусить эту разрисованную руку, с мясом выгрызть полыхающий серебром ключ. Но не получилось. Ничегошеньки у нее не получалось! И силы закончились предательски быстро, почти так же быстро, как и воздух в легких. Наверное, он ее ударил, легонечко ткнул кулаком в солнечное сплетение, потому что почти сразу же наступила спасительная тьма, наполненная лишь птичьим клекотом и громким, нечеловеческим каким-то криком. Лучше бы она умерла...

— ...Вставай! — кто-то тронул Эльзу за плечо. Не ласково и не грубо, как палкой потыкал. — Вставай, нам нужно уходить.

Сил и ненависти хватило лишь на то, чтобы дернуть плечом. Глаза не открывались, словно запеклись кровавой коркой.

— Папа... — Голос трескался и крошился, пока не закончился вместе с силами.

— Я предупреждал. — Ее дернули вверх. На сей раз не за шкирки, а за подмышки. Дернули, перехватили поудобнее. — Вам не нужно было туда ходить. Ни тебе, ни ему.

Не нужно было. Эльза теперь это и сама понимала, вот только поделать ничего не могла. Ни с прошлым, ни с этим страшным человеком. Пограничником...

— Прости. — В его голосе не было раскаяния — одна лишь усталость, почти такая же безмерная, как и ее собственная. — Я бы хотел поступить иначе.

— Ты его убил! — Голос вернулся вместе с новой волной ярости. — Ты убил моего папу!

И сил хватило, чтобы извернуться, вырваться из его хватки. Наверное, он не ожидал, что Эльза на такое способна, потому и отпустил. А она не поползла, она побежала, не разбирая дороги, к тому самому месту, где впервые посмотрела в черный зрачок охотничьего ружья...

...Огромный костер догорал, лишь кое-где из его дымных недр вырывались алые языки огня, чтобы еще разок жаднолизнуть что-то черное, бесформенное, скрюченное...

Зря она думала, что не осталось ни сил, ни голоса. Остались! Она рвалась к этому погребальному костру, не обращая внимания ни на горячие облака пепла и дыма, ни на обжигающее прикосновение искр, ни на человека, который оставил ее сиротой. А он догнал и поймал, выдернул из костра, голыми руками погасил занявшуюся одежду, заглянул в глаза. В его собственных глазах не было ничего, кроме отсветов догорающего огня, а коренья на его правой руке, словно живые, оплетали, прятали от мира и Эльзы потайной ключ.

— Я понимаю, — сказал и подхватил Эльзу на руки. — Я прекрасно понимаю, как сильно ты меня ненавидишь...

Она ненавидела. Вот только все силы, те крупницы, что еще оставались, сгорели в костре вместе с ее папой. И небо кружилось-кружилось вместе с парящими в нем черными птицами, пока не превратилось в бездонный водоворот, пока не всосало в себя теряющую рассудок Эльзу...

...А теперь силы вернулись! И силы, и ненависть!

Их хватит на многое, нужно только сжать покрепче, а потом дернуть...

— ...Только если ты, милая, его сейчас убьешь, то правды тебе никогда не узнать...

Смешная старушка. Та самая, что из домика на опушке. Говорит тихо, ласково и голосом своим вкрадчивым словно разжимает невидимый сжатый кулак, палец за пальцем.

— Отпусти его, девочка. Понимаю, что тяжело, но отпусти.

Отпустила. Пальцы разжала все разом, и убийца ее отца с тихим рыком рухнул на землю. Она бы тоже рухнула, если бы не Никита. Подхватил, удержал на ногах. Или он не потому ее держит, чтобы не упала, а боится за этого... за убийцу.

Боится. Он же врач, ему людей нужно спасать. А тут почти убийство. Интересно, убить убийцу — это грех? Проверить бы, да вот только нет сил. И колечко ледяное, словно осколок льда, не греет, а выстуживает.

— Элли, что ты творишь?.. — Никита держал крепко, одной рукой за плечи, второй за талию, прижимал к себе, горячо дышал в затылок.

— Я? — Она повела плечом. Хотелось, чтобы как в сказке, чтобы спали оковы. Да вот не спали, Никита в сказки не верил. Он верил в чудеса медицины и в длинные диагнозы. У нее диагноз какой-то мудреный и сложный, но зато все-все объясняющий. Даже вот это... — Я ничего. — Дыхание почти выровнялось, и стекловата из легких исчезла. — Давай мы у него спросим. — Смотреть на убийцу было мерзко, но Эльза себя заставила. Она даже заставила себя сделать шаг в его сторону.

Почему-то казалось, что решилась она на убийство, Архип защищаться не станет, умрет без лишних слов и без сожаления. Точно так же, как без сожаления убил, а потом сжег ее папу... Вдруг сделалось мутрно и так тошно, что хоть вой.

— Ты вспомнила. — Архип не спрашивал, он утверждал.

— Ненавижу... — Ненависти хватило, чтобы сделать еще один шаг. Она сделала, и Марфа тоже, оторвалась от Архипа, встала между ним и Эльзой, заслоняя. Вид у нее был несчастный и решительный одновременно.

— Не надо, — сказала шепотом. — Я прошу тебя, не надо.

Она понимала. Эта простоватая, смешная и пугливая женщина лучше других понимала, на что способна Эльза. Они ведь стояли плечом к плечу перед порождением тьмы, которое бесновалось, пытаясь прорваться с той стороны. Они чувствовали силу друг друга. Не такую силу, как у Никиты или у Лешего, не грубую мужскую, а тонкую, но куда более мощную, прицельную. У Марфы силы было меньше, чем у остальных. Можно сказать, почти и не было вовсе, но тогда именно эта капля, эта заимствованная крупинка и помогла им выстоять, дожидаться помощи.

И Марфа, бедная, наивная Марфа, сейчас была готова на все. Умереть была готова, только бы защитить того, кто защиты ее недостоин.

— Он недостоин... — Эльза так и сказала. Тихо-тихо сказала, чтобы только Марфа услышала.

— Он не такой... Ты не понимаешь... Не надо...

— Я такой.

Пока они стояли вот так, друг напротив друга, пока мерились силами, которые нельзя измерить, Архип поднялся на ноги. Марфу он аккуратно взял за плечи, отодвинул в сторону. Она сопротивлялась, упиралась пятками, цеплялась пальцами за его жилистые, татуированные руки, но все равно сдалась, лишь глянула на Эльзу с мольбой.

— Я такой. — Он уставился Эльзе в глаза точно таким же взглядом, как много лет назад. — Слышите все? — Обернулся, посмотрел на остальных. — Я, Архип Белобородов, убил ее отца. Убил, отсидел, вышел. Слыхали?!

— Зачем?.. — Дышать снова стало тяжело, захотелось дозы. Так давно не хотелось, а теперь вот... — Он был хорошим человеком, а ты его убил!

От ее крика всполошилась, заметалась под ногами кошка, а Никита вышел наконец из стопора. Теперь он приближался решительным шагом и в своей попытке

защитить Эльзу чем-то напоминал Марфу. Вот только Эльзе не нужна защита. Ей нужна правда!

— Да, он был хорошим человеком. — Архип кивнул. — И да, я его убил. Прости.

Он и тогда просил ее прощения. Прямо на догорающем пепелище просил. Безумец! Ему место не в тюрьме, а в сумасшедшем доме.

— Зачем? — Пальцы сжались в кулак и разжались. На плечи успокаивающе легли ладони Никиты. Эльза повела плечом.

— Мы узнаем. — Архип держал Марфу за руку. Крепко-крепко держал, словно боялся потерять. Вот только Эльза знала: Марфа никуда не денется, она видела незримые цепи, что сковали этих двоих: беспощадного убийцу и безобидную повариху... — Я думаю, нас здесь и собрали, чтобы мы узнали наконец правду...

Чтобы они узнали правду...

Забинтованной рукой Анжелика оттолкнула Лешего, а потом сама оттолкнулась от бревенчатой избы, поковыляла к эпицентру событий. Так уж вышло, что эпицентром оказалась Эльза. Так уж вышло, что Эльза не просто девица с придурью, а девица с очень большой придурью. Да еще и со сверхспособностями. Вон как она припечала этого бородатого! Едва на куски не порвала. Анжелика шкурой чувствовала — не вмешайся бабулечка, не удержал бы Эльзу от смертоубийства никто, даже добрый доктор Никита. Марфа бы попыталась. У нее на лице все чувства написаны. Тут и психологом быть не нужно, чтобы понять, что ее с бородатым что-то связывает. Или связывало. С этим еще предстоит разобраться.

Так. Стоп! А кто сказал, что она, Анжелика, должна разбираться? Кто она тут? Какое вообще отношение имеет к происходящему? А никакого не имеет! Не имеет, и участвовать в этой вакханалии не намерена! Очевидно ведь, что дело далеко зашло, что никакая это не прогулка по тайге, а что-то куда более серьезное. Нет, она не подписывалась на то, чтобы шастать по лесу с сумасшедшей и убийцей! Пусть уж как-нибудь без нее узнают правду.

— Рыжая, ты куда это? — Леший попытался дернуть ее за рукав. Пришлось снова от него отмахнуться. Крыс на Анжеликином плече запищал угрожающе. Защитник.

— Отвали! — Оборачиваться она не стала, потому что нечего время на ерунду тратить. Нужно вот прямо сейчас расставить все точки над «i». — Значит, так! — становиться на линию огня между Эльзой и егерем было страшновато, но Анжелика себя заставила. — Я не знаю, кто тут с чем разбирается и кто кого убил. — Егерь дернулся, словно от пощечины, а Эльза вздрогнула. Выглядела она скверно, как после тяжелой болезни. — Но лично меня это не касается. Лично я увидела достаточно, чтобы понять самое главное.

— И что же для тебя главное, деточка? — старушка на месте не усидела, тоже подтянулась. Собачонка ее кудлатая скакнула следом, и Эльзина кошка зыркнула на нее недобрым взглядом. — Что ты поняла?

А, пожалуй, с бабулечкой объясниться будет проще всего, потому что бабулечка хоть и в теме, но все равно чужая!

— А поняла я, баба Маланья, что собрал нас тут богатый извращенец, чтобы ставить какие-то психологические эксперименты.

— Психологические?.. — Леший пнул дохлую ворону, и Анжелику затошнило. — Точно психологиче-